

Глава 15: Нравится — так действуй

—

После того как на семью Гуан подали в суд, жители деревни снова стали тепло относиться к Чжан Фаньюаню, снова стали здороваться при встрече, даже хвалили, что он поймал вора, о прежних же событиях не упоминали.

Чжан Фаньюань тоже не обращал на это внимания. А вот его старший дядя, после суда, неожиданно попросил четвёртого дядю принести свиные рёбрышки в знак благодарности за помощь в возвращении украденного.

Он не стал церемониться и принял подарок. И сказал четвёртому дядю, что в следующий раз, если будет благодарность, пусть старший дядя приходит сам, не нужно четвертому дяде выступать миротворцем и потакать старшему.

Два дня спустя он отправился в город.

— Отличные зимние побеги бамбука, свежие зимние побеги!

— Оболочка тонкая, побеги крупные, продаю недорого!

Чжан Фаньюань, скрестив руки, стоял под навесом чайной у западного рынка и наблюдал за Сюй Хэ, торговавшим на рынке. Этот парень в деревне был немногословен, опустив голову, только работал, но, продавая, совсем не робел, быстро обслуживал покупателей. Вскоре к нему подошла женщина, торгующая овощами, с корзиной, покачивая бёдрами, и стала расспрашивать.

— С оболочкой — пять вэней за цзинь.

Женщина спросила:

— А без оболочки?

Сюй Хэ, держа весы, тихо сказал женщине:

— Без оболочки дороже, госпоже лучше купить с оболочкой. Если не хотите дома чистить, я вам почищу, и вы заберёте, разве не удобнее, да и деньги сэкономите.

— Ты, гер, честный. — Женщина, услышав это, с улыбкой присела, чтобы выбрать побеги. Круглые пухлые ростки в яркой оболочке, не похожи на давно выкопанные. Она выбрала четыре побега весом около цзиня: — Вот эти.

Сюй Хэ поспешно взвесил:

— Четыре цзиня и шесть лянов, для госпожи скидка, дайте двадцать два вэня.

Женщина была довольна, достала деньги из-за пояса, а Сюй Хэ тут же принялся чистить ростки. Провёл прямым разрезом по пухлому побегу, отогнул две стороны, отрезал твёрдую головку, появился свежий аромат бамбука — и зимний побег целым вышел.

Нежно-жёлтый, женщина слегка надавила ногтем — хрустящий.

— В суп с курицей или свиными ножками — побеги свежие и хрустящие, будто весенние

овоци.

Женщина с улыбкой отдала деньги:

— Зимой только этого и хочется.

Окружающие, увидев, что разрезанные ростки действительно свежие и нежные, тоже выбрали по паре штук. Зимние побеги бамбука намного дороже обычных овощей, купишь один-два — выглядят большими, но без оболочки остаётся немного. Всё же это не основное блюдо, в основном для приготовления мяса, одного-двух хватит на кастрюлю вкусного мясного супа.

Сюй Хэ суетился, принимая деньги, объясняя и методично очищая их от кожуры. Но не успел продавать и часа, как вышел за покупками повар из ресторана, узнал цену зимних побегов, поторговался с Сюй Хэ, договорился о четырёх вэнях за цзинь без очистки, купил все, всего тридцать цзиней.

Эти зимние побеги бамбука действительно хорошо выглядели, шли на ура. Сюй Хэ думал, что хорошо продаст, но не ожидал, что так быстро распродает. Он собрал вещи, поднял голову, взглянул на Чжан Фаньюаня, стоявшего вдалеке, ещё огляделся, не увидел знакомых лиц и тогда подошёл.

— Всего продал на двести двадцать вэней.

Чжан Фаньюань, опустив взгляд, с улыбкой смотрел на него.

— Ты меня слышишь?

— Обычно так мало говоришь, не потому ли, что в городе, торгуя, все слова высказываешь?

Сюй Хэ посмотрел на него с неодобрением:

— Ведешь бизнес с недовольным лицом — кто придёт покупать?

— Так ты знаешь, что в деревне всегда с недовольным лицом ходишь.

— Почему ты так много говоришь?

Чжан Фаньюань ухмыльнулся, обнажив два ряда белых зубов:

— Ладно, ладно, не сердись, больше не буду.

Сюй Хэ не обратил на него внимания, сам отсчитал половину денег, добавил Чжан Фаньюаню ещё шестьдесят пять вэней, у себя оставил сорок пять:

— Расплатились.

Хотя он и считал, что на этот раз Чжан Фаньюаню должна достаться большая часть прибыли, но, подсчитав, он, кроме того что не копал ростки, тоже приложил много усилий: предоставил корзину и мотыгу, сам обрабатывал оболочку побегов, сегодня ещё торговал — деньги заслужил.

Чжан Фаньюань взял деньги:

— Всё же зимние побеги бамбука выгодно продавать, я за свинью получаю всего двадцать пять

вэней.

Сюй Хэ сказал:

— Зимние побеги — один урожай, не постоянный бизнес.

— Тоже верно. — Чжан Фаньюань спросил: — Куда теперь пойдёшь?

Сюй Хэ, услышав, поджал губы, отвернулся, словно не желая говорить, что собирается делать, и сам с пустой корзиной за спиной пошёл вперёд. Чжан Фаньюань последовал за ним:

— В прошлый раз побеги, что взял домой, ел?

— Угу.

— Как готовил?

— С вяленным мясом тушил.

Чжан Фаньюань представил вкус:

— То, что ты готовишь, должно быть очень вкусно.

Сюй Хэ, услышав, остановился и с подозрением взглянул на Чжан Фаньюаня:

— Откуда знаешь?

— Просто знаю. Твоя вторая сестра не умеет готовить, на самом деле обычно ты готовишь. А твоя мать наводит всех на мысль, что это сестра готовит.

Сюй Хэ не почувствовал облегчения от того, что кто-то узнал правду, а, наоборот, забеспокоился:

— Только не болтай везде.

Чжан Фаньюань, глядя, как тот предупреждает его, слегка нахмурился и в душе вздохнул:

— Я же не деревенская сплетница.

Сюй Хэ успокоился. Его шаги стали легче, он дошёл вперёд и, повернувшись спиной, помахал Чжан Фаньюаню рукой:

— Я возвращаюсь.

Чжан Фаньюань на этот раз не стал догонять, с улыбкой смотрел, как Сюй Хэ исчез в конце улицы, и тогда повернул заниматься своими делами.

— Брат Чжан! Давно не виделись, где в последнее время разбогател?

Чжан Фаньюань пошёл на мясной рынок, прямо к управляющему рынком.

— Где же, по-старому.

Чжан Фаньюань не хотел много говорить о своих делах, прямо сказал:

— На этот раз пришёл арендовать прилавок.

Мужчина был крайне удивлен, услышав это, и тихо спросил:

— Брат Чжан больше не работает у молодого хозяина Циня?

Чжан Фаньюань покачал головой. Тот молодой хозяин Цинь, о котором говорил мужчина, звался Цинь Чжун, был его начальником, когда он раньше безобразничал в городе. Он умел драться, быстро справлялся с делами, случайно попал под начало Цинь Чжуна и вскоре привлёк внимание. Со стороны казалось, что Цинь Чжун ценил его, дал ему под начало несколько людей, это было почётно.

Раньше Чжан Фаньюань тоже был полон энтузиазма, думал, что нашёл правильного человека, будет большое будущее, немало трудился на Цинь Чжуна, а в итоге тот использовал его как дубинку, и он угодил в тюрьму.

— Хочу заняться честным бизнесом.

Мужчина знал, что Чжан Фаньюань свиреп, не смел много расспрашивать о личных делах, только сказал:

— Я управляю только прилавками мясного рынка, брат Чжан выбирай подходящий.

Чжан Фаньюань сказал:

— Оставь мне приличный прилавок, заплачу по рыночной цене.

— Брат Чжан, не нужно быть таким официальным. Вам для бизнеса прилавков нужен, какие деньги? Этот мясной рынок ещё должен быть под вашим покровительством.

Чжан Фаньюань, услышав это, тоже был немного обескуражен. Раньше он набрался влияния, теперь, обращаясь к знакомым, создавалось впечатление, что он пришёл бесчинствовать. Он подчеркнул:

— Сейчас я не с Цинь Чжуном, занимаюсь честным мелким бизнесом, чтобы прокормить семью.

Мужчина слегка нахмурился, и понял, когда нужно остановиться:

— Брат Чжан прозорлив, честным бизнесом заниматься хорошо, драки и убийства тоже надоедают. Давайте половину рыночной цены, мы же знакомые, дайте и мне возможность сделать одолжение.

Чжан Фаньюань больше не говорил, достал сто двадцать вэней и отдал мужчине.

Аренда прилавка на мясном рынке — восемьдесят вэней в месяц, платят поквартально. Он дал половину цены, как тот просил. Мужчина, увидев это, с улыбкой взял деньги и, сложив руки в приветствии, сказал:

— Заранее желаю брату Чжану процветания бизнеса.

Чжан Фаньюань похлопал мужчину по плечу:

— В следующий раз угощу вином.

— Хорошо, хорошо.

Чжан Фаньюань с мужчиной обошли мясной рынок, выбрали и закрепили прилавок, других дел не было, и он вернулся обратно.

Время летело быстро, к Новому году в деревне иногда слышались взрывы хлопушек. Дети на скопленные деньги купили в городе петарды для развлечения, праздничное настроение усиливалось.

В канун Нового года выпал небольшой снег, деревенские дома уже вывесили иероглифы «счастье» и парные надписи, на серых земляных домах и соломенных хижинах появились праздничные красные пятна. Чжан Фаньюань нёс несколько свежесрубленных в горах брёвен, проходя по главной деревенской дороге, издали увидел Сюй Шаочунь в красной куртке, похожую на яркий цветок, расцветший в деревне Цзицзю и в сердцах деревенских мужчин.

Несколько молодых мужчин хотели подойти поболтать, но в светлых глазах второй барышни Сюй был только учёный Фэй, вернувшийся из города на каникулы. Казалось, они вместе вернулись из города, смеялись и болтали, учёный — изящный, девушка — прекрасная, действительно подходящая пара.

Чжан Фаньюань не стал смотреть на это зрелище, широко зашагал домой. В Новый год в деревне оживлённо, но в доме Чжан Фаньюаня было пустынно, не отличалось от обычных дней, не чувствовалось праздничного настроения.

Он расставил ноги, сидя под навесом, и строгал дерево. В последние дни он работал сверхурочно, занимаясь плотницкими работами, и самодельная телега уже обрела форму, если отшлифовать и покрыть лаком, будет не хуже продаваемых в городских мастерских. Установив колёса, он попробовал покатавать её во дворе — скользила гладко, без заеданий, годилась.

Самодельная, хоть и требовала времени и сил, но позволяла сэкономить на покупке телеги. Чжан Фаньюань был доволен, с нескрываемым самодовольством думал, что становится всё хозяйственнее.

— Чего втайне радуешься?

Чжан Фаньюань поставил телегу, увидел, как его четвёртый дядя подошёл с корзиной.

— Твоя тётя сварила свиные уши, принёс, выпьем по чашке.

— Ладно. — Чжан Фаньюань откатил телегу в дом, вытер стол. Чжан Шичэн сел первым, достал из корзины блюдо со свиными ушами, мяса немного, но был ещё арахис.

— Новый год, дома всё же нужен человек, чтобы наводить порядок, самое главное — оживление. — Чжан Шичэн поднял голову, оглядел дом. Хоть и видно следы уборки, но определённо не так хорошо, как в его собственном доме, где жена убирает.

Заговорив об этом, он перешёл к сути:

— Раньше те мерзавцы из семьи Гуан портили твою репутацию в деревне, теперь их отправили в управу, говорят, семья Гуан уже снова переехала. Все знают, что тебя оклеветали, больше не говорят о прошлом.

Чжан Фаньюань бросил в рот пару зёрен арахиса:

— Угу.

Жители деревни, увидев его, здоровались, несколько дней назад тоже просили помочь зарезать скот, он знал, что ситуация изменилась.

— Твоя тётя считает, что к Новому году, все семьи празднуют, если сваха придёт свататься, может, получится.

Чжан Фаньюань, услышав, нахмурился.

Чжан Шичэн, наблюдая за его выражением лица, убедился в своих догадках, не дав ему заговорить, продолжил:

— Я уже сказал твоей тёте, что это дело не срочное, и у тебя уже есть планы.

Внутреннее сопротивление сватовству было произвольным. Чжан Фаньюань не знал, почему так. Раньше ведь сам предлагал найти пару, но четвёртый дядя сказал, что у него уже есть планы, и он всё же благоразумно спросил:

— Планы? Какие планы?

Чжан Шичэн наклонил голову, с досадой:

— Ты с Сюй Лаояо разговариваешь — рот до ушей, мне за тебя стыдно, а ты ещё говоришь, нет планов?

Чжан Фаньюань, услышав, стал вспоминать, когда четвёртый дядя заметил его общение с Сюй Хэ. Не мог вспомнить, но всё же это близкий человек, не стал выяснять, только с недоверием спросил:

— Действительно так заметно?

— Прицепи зеркало к поясу, в следующий раз сам посмотри на свой жалкий вид.

Чжан Фаньюань почесал кончик носа, не зная, что ответить.

— Я подумал: Сюй Лаояо хоть и не такой умный и красивый, как его сестра, характер замкнутый, но трудолюбивый, наверное, сможет вести хозяйство и жить хорошо.

— Какой он неумный! Мало геров таких сообразительных! — Чжан Фаньюань, услышав, как четвёртый дядя говорит о недостатках Сюй Хэ, сразу возразил.

— Ой-ой-ой. — Чжан Шичэн нахмурился и цыкнул: — Ещё и крючка не зацепил, а уже так защищаешь, и ты ещё говоришь, не заришься. Дай мне закончить!

Чжан Фаньюань хлебнул вина:

— Говорите, говорите, четвёртый дядя, говорите.

— Я вижу, этот Сюй Лаояо характером очень неплох...

— Конечно! — Ранее только он за него заступался.

— Ты, паршивец, дашь мне договорить или нет!

— Говорите, говорите, четвёртый дядя!

Чжан Шичэн глянул на Чжан Фаньюаня:

— У него хороший характер, вырос у нас на глазах. Просто из-за Сюй Шаочунь гер кажется не таким выдающимся, если бы в другой семье — отличный гер. Самое главное — тебе, большому, глупому, парню, у которого мозг железом зарос, он нравится. Раз так, готовься заранее.

— Сюй Шаочунь уже больше года как совершеннолетняя, семья Сюй, как бы ни любила ту девушку, не станет вечно держать, когда выдаст замуж, очередь дойдёт до Сюй Лаояо. Их возрасты не так уж отличаются, если потом его кто-то другой присмотрит — было бы очень жаль.

Сердце Чжан Фаньюаня ёкнуло. Он помнил, что в прошлой жизни Сюй Хэ выдали замуж в другую деревню. Тот перед свадьбой даже сбежал, но его поймали и вернули, дело было громкое, он смутно помнил.

— Мать в семье Сюй предпочитает вторую дочь. Если я попрошу сваху пойти свататься в семью Сюй, разве это не перескочит через его сестру? Разве его предвзятые родители будут рады? Если захотят отказать в сватовстве — разве сложно?

Чжан Шичэн согласился:

— Ты продумал дело, твоя тётя тоже так говорила. Поэтому я и пришёл с тобой поговорить.

— Тебе нравится этот Хэ гер, не молчи. Учись у других молодых в деревне: кто ценит Сюй Шаочунь, то еду принесёт, то украшения, а кто и лезет помогать по хозяйству. Ты относись к нему хорошо, тогда он узнает твои намерения. Побольше общайтесь, появятся чувства — разве не в два раза эффективнее?

Чжан Фаньюань посмотрел на Чжан Шичэна и не смог сдержать смех.

Он поднял глаза и получил шлепок по лбу:

— Только смеёшься, запомнил мои слова?

Чжан Фаньюань поспешно кивнул:

— Запомнил. После слов четвёртого дяди даже железный мозг прояснился.

— Паршивец!

—

От автора:

Чжан Фаньюань: У четвёртого дяди есть зацепка.

—